

— Инга, оставь в дверях щелочку, чтобы лучше слышать тебя...

Через неплотно прикрытую дверь репетиционной комнаты музыкального театра мы слушаем пение солистки знаменитого миланского оперного театра Ла Скала. Кто стоит буквально под дверью, кто сидит рядом на стульях — слушают, боясь нарушить тишину. Неожиданно в коридоре появляется солист музыкального Павел Бельченко, идет размашистым шагом, широко распахнув руки и, кажется, вот-вот что-то громко скажет. Лариса Бацова, тоже солистка, испуганно поднимает указательный палец — «Тише!» Павел на минуту прислушивается и все же очень громко говорит:

— Надо же, Мария Каллас...

То же самое сказал близкий друг и маэстро знаменитой итальянской певицы, один из последних ныне здравствующих мастеров клавира Антонио Тонини, когда сопровождал впервые незнакомой певице Инге Джюевой. Она вдруг увидела, как замерли на клавишах пальцы старого музыканта, и он, глядя на нее, сказал испуганно-тревожным голосом:

— Вы мне чем-то напоминаете Марию Каллас, хотя вы много моложе и красивее...

Она родилась в Цхинвале, в семье скромных служащих: мама — телеграфистка на почте, отец связист. Семья — многодетная, четверо парней и столько же девочек. У каждого из детей — своя обязанность по дому. Инге выпала вовсе прозаическая: каждое утро выносить мусор. Машина приезжала рано, и старик со свистком порой напрасно рассыпал призывную трель — сон утренний сладок не только для детей. Инге было жаль старика, она злилась на засонь и, чтобы поднять их с постелей, взбиралась на вершину дерева, что стояло около машины — «мусорки» и громко, на всю округу пела: «О, соли мио!», потом пела — «Санта Лючия», затем «Тамо тамеро» — все, что слышала из уст еще гремящего в те годы маленького итальянца Роберттино Лоретти.

Конечно же, училась в Цхинвалской музыкальной семилетке, где ее приметил и предсказал ей будущее Феликс Алборов. В 16 лет Инга пела в ансамбле «Бонварнон». Теперь уже, спустя годы, можно поудивляться: в одном маленьком эстрадном коллективе было два таких роскошных певца, как Инга Джюева и Валерий Сагкаев! Оба были не обременены звездной болезнью, не тяготились талантом, просто каждый из них... пел и пел. И будь к одному из них судьба более благосклонна, проложила бы и ему тоже дорогу в самую песенную в мире страну — Италию, где уже знают синьору Джюева.

Но это все — спустя годы. А пока цхинвалская

девочка Инга, ни разу не покидавшая свой маленький город, вдруг влюбляется в музыкальную классику и в основном — в творения итальянских композиторов, хорошо известных всему миру. Что это — предсказание свыше? Веселая по характеру, умеющая шутить, заразительно смеяться, Инга поет то нежную «Санта Лючию», то вдруг — арию Кармен. Соображающие что-нибудь в голосах и диапазонах замирают от неожиданности: не ослышались ли? Но нет, низким грудным голосом Инга поет: «У любви, как у птицы крылья...». И результат: «Девочку надо срочно в музыкальное училище». А тут в Северной Осетии стали набирать сту-

тебя смотрят, любят, тобой, твоим голосом, а для меня ты — другая. После того как ты спела «Мае Ирыстон», я снова захотел жить...».

...После ГИТИСа она прослушивалась в Большом театре. Именно в это время судьба свела ее с представительницей организации «Международная музыкальная культура». «Этот голос я не упущу», — решительно сказала повидавшая на своем веку пожилая музыкантша.

Записанное на пленку отделение С. Рахманинова в исполнении Инги оказалось в Италии, а вскоре она получает официальное приглашение на родину великого Карузо.

«Покупательница» голоса

ОТ ЦХИНВАЛА ДО ЛАСКАЛА

БЫЛА УСЛЫШАНА ПЕСНЯ «О, СОЛИ МИО!», КОТОРУЮ ПЕЛА ДЕВОЧКА-ОСЕТИНКА.

дийцев — в ГИТИС, и в их число попала цхинвалская пелунья.

В Москве «болезнь» к оперному искусству обострилась до такой степени, что выбора иных путей в жизни уже не было. Как большому студенту, Инге хватало стипендии. На помощь из дома тоже рассчитывать не приходилось, родители едва сводили концы с концами. Выручили ночные дежурства в травматологическом отделении одной из московских больниц. Больше полугода работала санитаркой. Часто, полусонная, не могла уловить, о чем говорит педагог, и однажды, сказав себе: «Я же сюда учиться приехала», она оставила работу.

На втором курсе ГИТИСа в составе концертной бригады Инга выехала в Афганистан. Пели, разумеется, и в госпитале, где лежали наши раненые. Среди них оказался солдат-осетин, он подошел к Инге и, путаясь от волнения, сказал ей: «Все на

из России была пленена эмоциональной, как итальянка, девушкой из Осетии. Сицилийка? — гадали, глядя на нее. Испанка? Может, аргентинка? Ее познакомили с семьей Антонио Тонини. Знаменитый маэстро, в дом которого робко вступила цхинвалская девушка. Старик тут же захотел ее прослушать и сел к роялю. Тогда-то и проронил он: «Вам никто не говорил, что вы похожи в профиль на Марию Каллас?»

Он поручил молодую певицу своему сыну, Адальберто Тонини, директору консерватории имени Верди, и одновременно работающему в частной консерватории в Милане. Очень скоро здесь стала работать и Инга: помогла рекомендация обоих Тонини и отличное владение Ингой техникой пения. Здесь она и стала «синьоринной Ингой». По крайней мере, так обращались к ней молодые итальянцы, просившие у нее частные уроки.

А ее уже поджидал экзамен: курсы повышения оперного мастерства, которые организовали владелец частной консерватории синьор Агостини, режиссер Федерико Давья, и сейчас преподающий в Англии режиссеру итальянской комедии масок, и солист Ла Скала маэстро Джомби. Курсы были успешно закончены, с языком итальянским вообще проблем не было, так что ничто не мешало синьорине из маленькой Южной Осетии давать концерты, выступая перед строгой миланской публикой вместе со знаменитыми баритонами Дельфо Менникуччи и Таканори Акиямой из Токио.

Какими еще веками ознаменовались для Инги четы-

рехлетняя солистка оперного театра Ла Скала... А впереди у нее еще немало времени. Ну о чем еще можно мечтать певице, даже если она родилась у подножия Кавказских гор? «Как человек, я могла бы уже быть довольной собой и немного расслабиться. Но ведь там в далекой Италии, я представляю Осетию, потому и не считаю артистическую карьеру своим личным делом. Мне надо, чтобы слово «Осетия», которое всюду со мной, произносилось там с великим почитанием...».

...Она приехала в Цхинвал и... не узнала родной город. Дом, в котором выросла, опустел, полуразрушенный. Родители живут в подвале... Многие ровесники не наша среди живых, пошла на встречу с ними в печальный двор пятой цхинвалской школы. Не встретила и своего доброго друга по «Бонварнону», Валерия Сагкаева — и его тоже унесла война, облачившись в холодное одеяние снежной лавины. Он должен был поехать с Ингой в Милан, она так планировала... «Когда я увидела концертный зал в Цхинвале с его пробитыми насквозь окнами и «ранеными» занавесями на сцене, я поняла, что здесь надо петь».

И она дала концерт своим землякам... Он запомнится им и через поколение. Цхинвалская Мария Каллас пела, как, может быть, никогда... После концерта ее обступили земляки. Женщины обнимали, не скрывая слез радости, молодые тянулись к ней с просьбой: «Автограф, Инга!». Вчерашние боевики сдержанно высказывали ей свое восхищение, любовь. А она, с готовностью отвечая на каждое рукопожатие, на каждую улыбку, любя всех, все же выделила для себя людей особых, внушающих ей самое высокое уважение. Это — вчерашние защитники Южной Осетии. «Я вами сильна, мальчики. Я буду петь, потому что у меня есть вы. Имеющая таких братьев, я самая гордая сестра в мире...».

— Не закрывай плотно дверь, Инга, дай послушать тебя...

Лариса Бацова то и дело восхищенно качает головой. «Какая чудная вибрация голоса, какие данные...». Концертмейстер Маргарита Мурадян, вышедшая на минуту-две из репетиционной, призналась: «Сейчас у меня уже прошла эйфория, я успокоилась. Необыкновенный голос, сама певица жадная, каждый день два часа без перерыва поет. Это — школа...».

28 сентября она дает концерт на сцене музыкального театра столицы. Что услышим мы из репертуара певицы? Может, арию Джильды из «Риголетто» или Амелии из «Бал-маскарада», или Лючию ди Ламмермур? В любом случае для нас это будет большой праздник. Солистка Ла Скала, да еще наша, осетинка...

Т. ХЕТАГУРОВА.

На снимке: Инга Джюева. Фото Р. ЛАКЧУЕВА.